

"Resident Мамонов" - интервью с Петром Мамоновым (1997)

Мистерию "Есть ли жизнь на Марсе?", поставленную Петром Мамоновым по мотивам чеховского рассказа "Предложение", им же инсценированную и исполненную, нельзя назвать спектаклем в привычном, традиционном смысле слова. Меньше всего это необычное действо похоже на спектакль, хотя Мамонов в самом деле играет на сцене, изображает трех персонажей, иногда очень увлекательно. Кроме того, Мамонов еще и поет, подыгрывая себе то на акустической гитаре, то на синтезаторе; с другой стороны, слово "поет" вроде бы не слишком подходит к тому, что он делает, и поэтому про песни говорить достаточно затруднительно... В общем, сплошные загадки... Старые добрые психоделические ЗВУКИ МУ тоже являлись командой сверхнеобычной и ни на кого не похожей, но в "Предложении" Мамонов сделал шаг в абсолютно новом направлении, имеющем весьма приблизительное отношение и к почтенным ЗВУКАМ МУ, да и также к тому, что он прежде делал в театре и в кино. Так кто же теперь Петр Мамонов?

ПЕТР МАМОНОВ: Житель. Я - местный житель. Знаешь группу RESIDENTS? Ее название очень просто переводится - ЖИТЕЛИ... Вот и я теперь резидент, но не в смысле разведки... Я житель, я живу в тылу, на земле, в деревне и наконец-то, к пятидесяти годам, начал ощущать себя жителем, а не поэтом, не актером... И это, мне кажется, самый хороший подход. Мне 47 лет, поэтому мне жизнь ценна сама по себе, и я перестал придавать себе значение как лидеру какого-то направления или как киноактеру. Этого мне мало. Я вот сижу у себя в деревне, размышляю... Зачем я живу? Где здесь кайф? (Я все кайфа от жизни ищу, в хорошем смысле.) Кто ты? Чего ты достиг внутри себя? Насколько ты раб своих привычек? И так далее... Все эти самые главные вопросы решаются определением собственной профессии. Сидя в деревне, каждый вечер подобный пасьянс перед собою, как на столе, раскладываешь - и все это перед тобою, голо и незамутненно.

Но все-таки развернемся в сторону искусства... в каком количестве спектаклей приходилось тебе участвовать?

ПЕТР: Три спектакля было. Первый - "Лысый брюнет", второй - "Полковнику никто не пишет", но тут, в "Полковнике", я считаю, не вышло, потому что я взялся за роль режиссера, а потом понял - не умею я этого делать, совсем другая это работа. Третий спектакль - "Есть ли жизнь на Марсе", эту вещь я очень долго придумывал и очень люблю. Но это даже не спектакль... я даже не знаю, как назвать... ближе к рок-шоу... мистерия...

Где больше тебе нравится работать, в кино или на сцене?

ПЕТР: В кино очень противная работа, вряд ли я буду еще работать в кино. Мне бы хотелось, не скрою, поработать с каким-нибудь хорошим режиссером, которого я уважаю и люблю. Вот у Шлендорфа я бы что угодно сыграл, хоть "кушать подано"... или если бы у Бергмана хотя бы раз на съемочной площадке побывать, в любой роли! А так-то предложений масса... ну и что? Все еще хочется поучаствовать в настоящем деле! Не хочу разминивать собственное время!

Знаешь, было бы крайне любопытно увидеть тебя на сцене в какой-нибудь классической пьесе, в спектакле по Гоголю, по Тургеневу...

ПЕТР: Понимаешь, тут такая штука... ведь театр - это все-таки перевоплощение. А самое существенное отличие меня от театрального актера состоит в том, что толкую-то я все о себе. Поэтический подход. В театре - надо перевоплощаться, стать, например, Чичиковым. В "Полковнику никто не пишет" я пытался стать героем Маркеса... не вышло. Я по личностным своим качествам, по сути дела, поэт... Когда мы с Брайаном Ино

работали в 1991 году, он сказал: "Это не рок-н-ролл, ведь Петр - поэт". Вот и я так к себе отношусь, хотя и не пишу стихи в чистом виде.

Намечаются еще спектакли в дальнейшем?

ПЕТР: Не знаю, как назвать эту форму... что-то, связанное со сценой. Может быть, будет, а может быть, и не будет... Вообще, надо все это дело заканчивать - в том смысле, что это в душе заканчивается, уходит из сердца потребность, возникает потребность вплотную заняться собой.

И музыкальных проектов тоже не будет?

ПЕТР: Не знаю. А вот - не знаю! Может быть, все бросится и не поперет. Конечно, в ближайшие пять-шесть лет что-то буду же делать, ну а на глубокое будущее, годам к шестидесяти... думаю, что сяду и буду огород выращивать.

Теперь, пожалуй, пришла пора немножко отстраниться от интервью и рассказать о спектакле. Чертовски непростая задача! Мне неоднократно приходилось рецензировать театральные постановки, но в данном раскладе мой экспириенс куда-то улетучился... Самое при этом удивительное, что ничего эдакого, сверхъестественного не происходит, на протяжении почти двух часов Мамонов играет один; время от времени он исчезает за ширмой, а потом вновь появляется, чередуя сюжетную линию с музыкальными фрагментами. Пластика, мимика - классически-мамоновские, а в сочетании с чеховской прозой внезапно возникает нечто фантастическое и даже непонятно, как все это можно назвать! Собственно, Петр тоже не знает...

ПЕТР: Сейчас я делаю двойной альбом из записей этого спектакля. Это не песни, это не театр, это не радиоспектакль... это что-то такое, не знаю уж, как и назвать... Что-то новое, дизайнерство какое-то, когда и то, и се - как в жизни. Так же оно и в голове, а как называется... да черт его знает, мне и дела нет. Я хотел эту вещь делать так, чтобы ее можно было играть где угодно. На улице, в переходе - вытащил магнитофон и играешь.

Мне приходилось слышать, что тебя собираются пригласить в один питерский театр, чтобы ты сыграл в пьесе Шипенко "Шамбала". Это так?

ПЕТР: Я об этом еще не слышал. Новый какой-нибудь театр? Я очень скептически отношусь к так называемым новым театрам, я ничего у них не видел хорошего. У нас в Москве много всякого такого, но все, что я видел, мне не понравилось. Я очень люблю, чтобы на сцене было все, как в книжке написано, вот когда я мхатовские "Мертвые души" смотрел, то видел, что Чичиков одет, как Чичиков. И Коробочка тоже. И остальные.

Стало быть, ты предпочитаешь реалистический театр?

ПЕТР: Я люблю высокое, подлинное искусство, а оно может быть в любой форме. А в так называемом новом театре, кроме увлечения и загромождения новым, я не вижу подлинной сути. Когда были старые актеры, то все на их личностях вылезало! Когда Грибов или Евстигнеев выходили на Сцену - это все, туши свет! Никулин умер - и пусто сразу... какие там новые актеры!

А что ты предпочитаешь в плане драматургии?

ПЕТР: Может быть, я мало знаю, но не очень люблю драматургию и театр.

А как ты относишься к театру абсурда, к таким авторам, как Беккет, Ионеско, Пинтер?

ПЕТР: Не читал сознательно. Чтобы не попасть под влияние. Может быть, зря. А из того, что считается классикой... Островский, Сухово-Кобылин для меня интереснее, чем Чехов. "Вишневый сад", "Три сестры" - для меня это ерунда все, единственная у Чехова вещь хорошая - "Степь", но и то это не пьеса. Я люблю, когда у меня сердце начинает отзываться. Когда я смотрю фильмы Бергмана, то мне совершенно неважно, фильм это, спектакль или притча, я вижу, как это все точно, что не убавишь, не прибавишь, у меня

начинается духовный оргазм. Вот мерило. А театр ли это, драматургия, куплеты, прибаутки или анекдоты - неважно. Я люблю, когда в людях свет светит.

У тебя с Василием Шумовым был очень любопытный совместный проект... (Я решил отойти от театральной тематики, хотя, если использовать мамоновскую терминологию, то сердце мое очень "отозвалось", когда я увидел, как виртуозно Петр работает сразу с тремя (!) куклами).

ПЕТР: Да, это такой прикол, который вдруг распродался очень хорошо. Но все получилось случайно: я был в Америке, рядом, заехал к Шумову в гости, и мы решили сделать такую шутку... (альбом "Русские Поют" - А.Г.)

Получилось-то здорово, может быть потому что все произошло спонтанно...

ПЕТР: Все истинное делается легко, говорят индусы. А в дальнейшем - что захочется, то и буду делать, слава Богу, свобода появилась! И не на словах, а на деле: в ощущениях людей, в образе жизни, на улицах, в сердцах, и это - радостнейшее известие! Жестокости и хамства тоже навалом, но это осядет, а свобода - останется.

Создается ощущение, что тебе поднадоели воспоминания про ЗВУКИ МУ и твою старую музыку...

ПЕТР: Ненавижу! Не люблю эту старую музыку! Мы очень тогда старались отразить то время, но опять в эту вонючку лезть не хочу. Одно время мне это нравилось послушать отсюда, со стороны, из этого времени, а теперь не хочу о прошлом ни думать, ни говорить. Уважаю этот период. С уважением отношусь к тому, что мы честно его прошли, не скурвились, но любить - не люблю. Очень редко я что-то старое ставлю из собственного, очень редко... Ну, Васюку Шумова иногда слушаю, я люблю его старые песни. Да и новые - "Голливудский Василек" - никто его не понял как-то...

Ну что ж, будем жить дальше...

ПЕТР: Да. Другого выхода нет.

P.S. Мистерия "Есть ли жизнь на Марсе" шла в ДК "Выборгский" два раза, сбор был очень даже ничего, и администрация, соответственно, довольна. Поэтому Мамонова вроде бы пригласили приехать с этим спектаклем еще, и он (тоже вроде бы) не против. Прекрасно! Так что, дамы и господа, имейте это в очень большом виду! Что же касается меня, то обязательно опять пойду посмотреть мистерию, и тогда-то смогу, наконец, более подробно и более детально рассказать об этом удивительном спектакле...

Анатолий Гуницкий